

Род Ци никогда не отличался многочисленностью, и предки, составляя родословную, не особо утруждались, уделяя внимание девочкам в семье, в отличие от других семей, где их часто игнорировали. Мальчики и девочки одного поколения делили один иероглиф в имени, различаясь лишь вторым иероглифом. Например, в поколении Ци Юйси мальчики имели иероглиф «Юй» с элементом «три капли воды», а девочки — тот же иероглиф, но с элементом «дождь» сверху.

Таким образом, когда Ци Юйси превратилась из мальчика в девочку, её имя также должно было измениться.

— Это не срочно, — махнул рукой Ци Юньхэн. — Юйси пока будет воспитываться по стандартам принца. Я всё устрою, и тогда уже внесу изменения.

— Ваша покорная слуга повинуется, — императрица Ван тут же замолчала.

— Пока официальный указ не издан, прошу вас, императрица, быть осторожной и не разглашать ситуацию с Юйси. Даже если матушка спросит, вы можете лишь сообщить, что Юйси пострадала от жестокого обращения своей матери, — снова напомнил Ци Юньхэн.

Императрица Ван сразу поняла, что у Ци Юньхэна есть дальнейшие планы, а его отношение к вдовствующей императрице стало очевидным. Однако, выросшая в дворцовых стенах, она прекрасно понимала ценность молчания и не стала ничего добавлять, лишь снова поклонилась в знак согласия.

Ци Юньхэн тоже не стал продолжать. Он сказал всё, что нужно было сказать, и теперь всё зависело от поведения императрицы Ван.

Собираясь уже уходить, он вдруг вспомнил, что ещё не видел саму Ци Юйси. Хотя, учитывая воспитание и характер императрицы Ван, она вряд ли стала бы, как госпожа Сунь, издеваться над пятилетней девочкой, но всё же он сам устроил её здесь, и нужно было лично убедиться, что всё в порядке.

— Давайте навестим Юйси, — сказал он. — Тихо, чтобы не потревожить её.

— Слушаюсь, — покорно ответила императрица Ван и повела Ци Юньхэна в западный павильон.

Ци Юйси действительно уже лежала в постели. Цинтун и две матушки находились в её комнате, и, увидев Ци Юньхэна, поспешили встать и поклониться.

Ци Юньхэн махнул рукой, чтобы они не шумели, оставил императрицу Ван на месте и, подойдя к кровати, откинул плотные занавеси, чтобы увидеть маленькую фигурку.

Ци Юйси спокойно лежала, её лицо не выражало ничего необычного — ни следов кошмаров, ни холодного пота, ни бормотания во сне. На ней была мягкая и удобная одежда из тонкого шёлка, а сверху — лёгкое одеяло.

Конечно, в Дворце Фэнци уже давно включили отопление, и в комнате было тепло, как весной, так что даже в лёгкой одежде она не могла простудиться.

— Она капризничала? — спросил Ци Юньхэн.

— Нет, — ответила Цинтун, слегка поклонившись, но затем добавила с некоторой

нерешительностью, — Ваше Величество... она слишком тихая.

Ци Юньхэн не ответил, но подумал: «Тишина не всегда плохо». Он вспомнил, как его самого император Синхэ обручил с Оуяном.

Тогда в столице ещё не знали, что его отец, герцог Вэй, погиб на войне, и многие выступали с просьбами к императору отменить этот, казалось бы, нелепый указ. Но когда смерть герцога Вэй стала известна, эти голоса замолчали, и даже его мать, госпожа Юнь, которая больше всех противилась этому браку, замолчала, гневно, но молча приготовив ему приданое.

Никто, ни чиновники, выступавшие против, ни его собственная мать, никогда не спрашивали его мнения по этому поводу. Лишь император Синхэ накануне свадьбы тайно вызвал его во дворец и спросил, хочет ли он отказаться от этого брака.

Конечно, император тоже не думал о его благе, как и сам этот брак был лишь частью игры за власть и выгоду. Если бы он тогда отказался, император, несомненно, предложил бы ему условия для отмены брака — например, чтобы он сам разобрался с теми верными сторонниками герцога Вэй, которые не погибли вместе с ним, чтобы император мог беспрепятственно взять под контроль оставшиеся войска.

Но в тот момент он был почти безучастен, и возможность связать свою жизнь с тем, кого он давно восхищался, стала для него последним утешением. Он тут же отказался от предложения императора, и брак был заключён.

А надежда вновь появилась лишь в ночь свадьбы.

Оуян не стал сближаться с ним и равнодушно сказал:

— Что ты так расстроен? Император может помешать тебе жениться, но не запретит тебе брать наложниц. Детей можешь заводить сколько угодно. Девушки из Павильона Пяомяо даже лучше, чем императорский гарем. Если захочешь женщин, можешь идти туда, когда угодно. Я не стану относиться к тебе, как к женщине, и заточать тебя в заднем дворе.

Хотя слова Оуяна развеяли его нежные чувства, они же дали ему желание снова собраться с силами.

Позже, с молчаливого согласия и помощи Оуяна, Ци Юньхэн связался с бывшими сторонниками герцога Вэй и в итоге решил взять под контроль оставшиеся войска и присоединиться к «ополчению».

Возможно, его маленькая дочь тоже понимает своё одиночество и поэтому молчит, чтобы не навлечь на себя позор.

Ци Юньхэн тихо вздохнул и уже собирался уйти, как вдруг заметил, что под веками Ци Юйси что-то шевельнулось.

Он внимательно посмотрел и вскоре улыбнулся.

— Если ты проснулась, открой глаза. Если продолжишь притворяться, я решу, что ты таишь обиду и не хочешь меня видеть.

Слова Ци Юньхэна удивили императрицу Ван и других присутствующих. Цинтун даже слегка согнула колени, словно собираясь встать на колени и просить прощения. Но Ци Юйси на

кровати ещё немного «притворялась», прежде чем медленно открыть глаза. Она какое-то время смотрела на Ци Юньхэна, а затем откинула одеяло, медленно села, поджала ноги и, встав на колени, торжественно поклонилась.

Ци Юньхэн подумал: «Если бы это был настоящий принц, его можно было бы хорошо воспитать», — увидев, как маленькая Юйси спокойно и с достоинством отдаёт ему поклон.

Но это чувство быстро исчезло, и Ци Юньхэн снова стал императором.

— Ты ещё маленькая, но не глупая. Ты знаешь, как ты получила свои травмы, — строго сказал он.

Ци Юйси сжала губы и кивнула.

— Это сделала твоя мать, госпожа Сунь? — спросил Ци Юньхэн.

Ци Юйси опустила глаза и снова кивнула.

Императрица Ван с другой стороны прикрыла рот рукой, удивлённая как тем, что травмы действительно были нанесены её матерью, так и спокойствием, даже холодностью Ци Юйси.

Эта девочка даже не пыталась просить за свою мать!

Ци Юньхэн, однако, одобрительно кивнул.

— В таком случае, ты должна понимать, что госпожа Сунь заслуживает наказания. Она твоя мать, я не лишу её жизни, но хотя смертная казнь ей не грозит, она не избежит наказания. Я отправил её в Двор Цюю, и до твоего совершеннолетия ты больше не увидишь её.

Ци Юйси опустила голову, не ответив и не выразив никаких эмоций, но на её лице также не было печали или протеста.

— Отныне ты будешь жить во Дворце Фэнци под опекой императрицы, — продолжил Ци Юньхэн. — Если тебе что-то понадобится, обращайся прямо к ней. Она не твоя мать, и даже если ты её рассердишь, она не станет просто так бить или ругать тебя.

Эти слова заставили императрицу Ван едва не закрыть лицо руками.

Хотя Ци Юйси была пятилетним ребёнком, и с ней нельзя было говорить теми же завуалированными фразами, что и с чиновниками, чтобы избежать недопонимания, но... но не до такой же степени, чтобы окружающие чувствовали себя неловко!

Императрица Ван невольно покритиковала его про себя.

Лишь много позже, когда она узнала о происхождении и характере госпожи Сунь, она поняла, что эти слова Ци Юньхэна были на самом деле признанием и похвалой в её адрес.

В тот момент императрица Ван ещё не могла понять истинный смысл этих слов, но Ци Юйси, которая жила под гнётом госпожи Сунь, сразу всё поняла. Она серьёзно кивнула, а затем повернулась и внимательно посмотрела на императрицу Ван, словно стараясь запомнить её лицо.